

УДК 316.2

О СПОСОБАХ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

Д.О. Труфанов

Институт педагогики, психологии и социологии
Сибирского федерального университета
E-mail: krassocio@yandex.ru

В статье обсуждается проблема дефиниции рациональности в социологии. Подвергнуты анализу существующие модели дефиниции рациональности, раскрыт их проблемный характер. Автор подходит к определению рациональности с точки зрения диатропической познавательной модели и теоретических принципов постнеклассической социологии. Такой подход позволяет рассмотреть различные дефиниции рациональности как социальные объекты, а их сопоставление приводит к утверждению признака рефлексивной оформленности как инварианта во всех определениях. Данный признак отличает класс рациональных содержаний реальности от области иррационального.

Ключевые слова: рациональность, дефиниция рациональности, модель дефиниции, постнеклассическая социология, диатропическая познавательная модель, рефлексивность.

ON WAYS OF PROBLEMATIZATION IN SOCIOLOGY

D.O. Trufanov

Institute of Education Science, Psychology and Sociology
of Siberian Federal University
E-mail: krassocio@yandex.ru

The paper discusses the issue of definition of rationality in sociology. Current models of definition of rationality are analyzed, their problem nature is revealed. The author addresses the definition of rationality in terms of diatropic cognitive model and theoretical principles of postnonclassical sociology. Such an approach makes it possible to consider various definitions of rationality as social objects and their comparison leads to confirmation of a sign of reflective appearance as an invariant in every definition. Such a sign differs the class of rational content of reality from the sphere of irrational.

Key words: rationality, definition of reality, model of definition, postnonclassical sociology, diatropic cognitive model, reflexivity.

Под «способами проблематизации рациональности» мы имеем в виду модели дефиниции, различающиеся способами группировки признаков рациональности. Выделение таких моделей представляется целесообразным с точки зрения поиска существенных признаков рациональности в условиях сложившегося в социологии плюрализма подходов к ее пониманию.

Анализ существующих дефиниций рациональности показывает, что во мнениях исследователей представлены три основных способа проблематизации рациональности. Первый состоит в выделении какого-либо одного частного содержания реальности, которое утверждается как существенный признак рациональности. В рамках данной модели рациональность получила ряд сосуществующих в социальных науках определений. Среди них определение

рациональности как целесообразности, которая понимается как выражение объективированной логической связи цели деятельности и средств ее достижения (М. Вебер, В. Парето и др.). Такая целесообразность предстает как идеальнотипическая конструкция, выражающая максимальное соответствие целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности [3]. Другая дефиниция утверждает в качестве признака рациональности эффективность, которая, в отличие от предыдущей интерпретации, выражает связь выбора средств деятельности и контекста ее осуществления, предполагает учет средовых факторов – реальных условий, в которых происходит целедостижение. Данная дефиниция легла в основу теорий рационального выбора [7; 20]. Наряду с этим в рамках данной модели дефиниции рациональности обсуждается как законосообразность в гносеологическом и онтологическом аспектах – соответствие наблюдаемых явлений, процессов, действий объективным законам, о существовании которых известно. В гносеологическом аспекте рациональность выражает соответствие рассуждений законам правильного мышления (законам логики) [19 и др.]. В онтологическом аспекте рациональность есть соответствие процессов жизни и практики законам природы и общества [12, с. 8; 10, с. 188; 6 и др.]. Наряду с этим исследователи интерпретируют рациональность как нормативность, стандартизованность: совокупность норм и правил, складывающихся в процессе накопления опыта целедостижения, ценностно-ориентированного поведения, формирует стандарты связи цели и средств в различных сферах практики, маркируемые как стандарты рациональности. Такие стандарты выступают формой объективации и деиндивидуализации способов деятельности [2, с. 62; 1, с. 10; 26, с. 45 и др.]. Распространена дефиниция рациональности как способности к целеполаганию, которая постулируется как отличительное свойство *Homo Sapiens*, маркирующее явление человеческого разума и отличающая специфический вид человеческой активности (деятельность) от активности иных жизненных форм [8, с. 189; 21, с. 42–43; 9, с. 41 и др.].

Второй способ проблематизации рациональности предполагает объединение нескольких содержательных аспектов реальности в общий признак рациональности, выступающий продуктом синтеза данных аспектов. Так, Д.Е. Карташев, изучая рациональность как социальный феномен, определяет ее как особую установку сознательной деятельности, для которой характерны такие свойства, как логичность, целесообразность, упорядоченность и системность [4, с. 11]. S. Lindenberg рассматривает рациональность как характеристику человеческого поведения (а также метод его оценки), включающую шесть элементов: находчивость (активность в отношении поиска и достижения желаемых состояний), ограниченность (осуществление выбора в контексте ограниченных возможностей целедостижения), ожидание (экспектации относительно происходящих событий), оценка (рассмотрение различных состояний действительности с ценностной точки зрения), мотивированность (стремление к достижению состояний, имеющих более высокую оценку по сравнению с теми, в которых человек находится; целеполагание), осмысленность (ориентация в возникающих ситуациях на основе имеющегося знания, поиск нового знания в новых, непредвиденных ситуациях) [23, р. 635–636]. А.И. Пригожин, обсуждая рациональность как особенность формальных организаций, пони-

мает под ней осознанность, целесообразность, логическую упорядоченность [13, с. 96]. Как элемент реального общественного сознания рациональное, по мнению Ж.Т. Тощенко, есть упорядоченное, опосредованное, обобщающее, близкое научному теоретическому сознанию [14, с. 26].

Третий способ выражен в утверждении одновременного существования нескольких не сводимых друг к другу интерпретаций рациональности, в основе которых лежат разные содержательные аспекты реальности. Так, в феноменологической социологии А. Шютца различаются рациональность как методологический принцип («постулат рациональности»), применяемый на теоретическом уровне научного наблюдения за социальной жизнью, и рационализация как процесс прогрессивной типизации, структурирующий социальный мир индивидов [22, с. 171, 179–181, 187–188]. На уровне научного наблюдения принцип рациональности выражен в трех интерпретациях рациональности: как законосообразности в гносеологическом аспекте (соответствие действий актора принципам формальной логики), как знания, воспринимаемого актором ясно и различимо и выступающего предварительным условием рационального выбора, и как эффективности, характеризующей выбор актора, отбирающего из доступных ему средств одно, наиболее подходящее для реализации преследуемой цели. В данных интерпретациях рациональность представляет собой идеальнотипические конструкции, применяемые для наблюдения за социальной жизнью. На уровне повседневной жизни рационализация есть трансформация неконтролируемого и непостижимого мира в структуру, которую индивид может понять, контролировать и предсказывать. Такая рационализация, как отмечает А. Шютц, близка по своему значению к веберовскому «расколдовыванию мира».

В рамках приведенных моделей дефиниции не решен вопрос об обоснованности сведения рациональности к тем или иным из упомянутых признаков или их комплексам: выбор признаков является в известном смысле произвольным и не исчерпывает всех возможных интерпретаций рациональности. Исследователи, как правило, не обсуждают вопрос о том, почему под рациональностью следует понимать те или иные содержания реальности или их синтез. В лучшем случае имеют место апелляции к здравому смыслу или к научной традиции, связанной с именами классиков социологии. Наряду с этим общим местом для всех моделей является попытка изыскать критерий рациональности в частных содержаниях реальности. При этом приведенные подходы к определению рациональности убедительно показывают, что рассмотрение в качестве признаков рациональности частных содержаний реальности не приводит к теоретическому синтезу, а, напротив, сегментирует обсуждаемое содержательное поле, углубляя конфликтность различных версий рациональности. В этой связи закономерно, что содержание понятия «рациональность» выглядит крайне размытым и неопределенным. Таким образом, в рамках существующих моделей дефиниции рациональности не решены две проблемы: проблема обоснованности приписывания рациональности того или иного признака и проблема содержания критериев рациональности, в качестве которых выступают частные содержания опыта, деятельности, сознания, социальной жизни.

В данных обстоятельствах представляется эффективным применение модели дефиниции, основанной на теоретических принципах постнеклассичес-

кой социологии, опирающейся на современные познавательные модели. Среди требований к такой модели ключевыми являются возможность доказательного обоснования существенных признаков рациональности, а также нахождение критерия рациональности вне частных содержаний опыта, знаний, деятельности и других аспектов реальности. Для осуществления этих требований, в условиях конфликтности многих версий рациональности, целесообразно использовать диатропическую познавательную модель, которая делает акцент на общих свойствах разнообразий. Как известно, диатропика осуществляет сопоставление рядов элементов позволяющее выявить инвариантные их свойства – рефрены, как вслед за С.В. Мейеном маркирует их Ю.В. Чайковский [18, с. 66]. В социологии диатропическую познавательную модель успешно применил В.Г. Немировский, сформулировав на ее основе диатропический принцип минимального универсума. Данный принцип выражает минимальное количество характеристик, необходимых для описания структурно-динамических качеств любой развивающейся системы [11; 24]. Для осуществления ключевой операции диатропики – сопоставления рядов – создадим ряды, элементами которых станут все существующие определения рациональности, независимо от их смыслового содержания. При этом, основываясь на принципах постнеклассической методологии, каждое определение будем рассматривать как социальный объект, конституированный в соответствии с принципом дополнительности: с одной стороны, имеет место познающий субъект (исследователь), укорененный в жизненных и социально-групповых структурах, с другой – явления и связи, составляющие предмет его рассмотрения. Тем самым определение рациональности предстает не просто как логическая операция, раскрывающая содержание данного понятия, но как факт осознания фрагмента реальности сквозь призму собственных онтологических и социальных характеристик субъекта. Сопоставление рядов рассматриваемых таким образом дефиниций показывает, что любое определение рациональности представляет собой рефлексивное содержание – с необходимостью предполагает вербальную рефлексивную деятельность социального субъекта и является ее результатом (под рефлексией в общем виде понимается осознание практики, мира культуры и ее модусов [27]). Рефлексия и осознание неотделимы друг от друга и составляют единую реальность (аргументы в защиту данного тезиса подробно приведены в работе Д.О. Труфанова «Рациональность как социальный факт» [15]). Рефлексия, осуществляемая социальным субъектом, выступает как форма, проявленная в любой дефиниции рациональности, позволяющая абстрагироваться от частных содержаний реальности, артикулированных в конфликтующих определениях рациональности.

Таким образом, предложенная модель дефиниции предполагает сопоставление определений рациональности как социальных объектов, что дает возможность выявить общий признак, свойственный всем единицам наблюдения. Применение данной модели позволяет определить рациональность как совокупность вербализованных рефлексивных содержаний социальной реальности, конституированных рефлексивными практиками индивидуальных и групповых социальных субъектов (подробно аргументы в защиту данного определения приведены в работах: Д.О. Труфанов «К вопросу об общей социологической теории рациональности» [16]; D.O. Trufanov «Social Rationality:

the Problem of Definitions» [25]). В связи с этим трудно согласиться с точкой зрения, что попытка создать универсальный подход к проблеме рациональности «может иметь не большую ценность, чем попытки создать синтетическое блюдо, объединяющее сразу свойства таких вкусных вещей, как вишневый пирог с кремом, ананас, жареная индейка, сливочная помадка и горячие гренки с маслом» [5, с. 30]. Разумеется проблематично успешно объединить свойства данных «вкусных вещей». Но все названные вещи, благодаря общему известному их свойству, относятся к классу блюд, что и является инвариантным их признаком. Будучи блюдами, данные вещи действительно представляют собой отдельные, не сводимые друг к другу содержания, но именно как блюда. Аналогичным образом различные определения рациональности представляют собой не что иное, как виды рациональности в значении рефлексивных вербализованных содержаний. Основанием для выделения этих видов служат значения понятий, между которыми устанавливается отношение (под значением понимаем обозначаемый именем предмет). Так, рациональное как эффективное предполагает рефлексивное оформление связи между такими значениями, как «социальное действие», «достижение цели», «средовые возможности», «средство достижения цели»; рациональное как законосообразное выражает связь значений «закон», «социальное явление», «оформленность», «порядок» и т.д. Такие виды рациональности выражают ее конкретные содержательные аспекты и могут быть использованы для исследования отдельных сторон реальности. Тем самым рациональность как эффективность есть рефлексивная модель соотношения средств, средовых возможностей и результатов деятельности, применяемая для рационализации данного отношения в конкретных ситуациях активности индивидов и групп. Рациональность как законосообразность представляет собой рефлексивную модель отношения наблюдаемых явлений и объективных законов реальности и применяется для «измерения» данного отношения в том или ином объекте.

Подводя итог, заметим, что в используемой нами модели дефиниции рациональности во многом разрешаются проблемы, присущие другим моделям. Во-первых, получает обоснование инвариантный признак рациональности, в связи с чем возникает основание считать его существенным признаком рациональности. Признак рефлексивной оформленности маркирует класс явлений рациональности и отделяет его от области нерационального, выходящего за пределы данного способа оформления. Рациональность в указанном смысле, в пределе обобщения, есть признак, отделяющий мир культуры от мира природы, человеческое общество от иных ассоциаций. Во-вторых, осуществляется абстрагирование от частных содержаний реальности, утверждение которых в качестве критериев рациональности приводит к появлению многочисленных конфликтующих версий рациональности в социологии и смежных науках. Построенное посредством данной модели определение рациональности как совокупности вербализованных рефлексивных содержаний позволяет создать общую теоретическую систему интерпретации рациональности социума и его элементов (теоретическая система интерпретации рациональности, разработанная в рамках постнеклассического (универсального) социологического подхода, предложена нами в работе Д.О. Труфанова «Универсальная социологическая теория рациональности» [17]).

Литература

1. Бакиштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 8–20.
2. Белозеров А.Б. Коммуникативная рациональность в контексте постнеклассической науки // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 62–65.
3. Давыдов Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности // Вопросы социологии. Вып. 6. 1996. С. 71–77.
4. Карташев Д.Е. Рациональность как социальный феномен: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.11. Социальная философия. Саранск, 2009. 20 с.
5. Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М.: Наука, 1989. 192 с.
6. Комаров В.Д. Технологическая рациональность и особенности технологических наук // Научная рациональность: возможности диалога. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009. С. 49–50.
7. Кулыгин В.П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 27–36.
8. Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, 1960.
9. Маслова С.В. Рациональность постмодерна как фактор формирования мифоразрушительной и мифосозидательной тенденций в современной культуре // Вестник Томск. гос. ун-та. 2007. № 301. С. 39–42.
10. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. 228 с.
11. Немировский В.Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития // Социология. Науч.-теорет. журн. Минск, 2004. № 1. С. 39–49.
12. Покровский Н.Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 3–10.
13. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М.: Интерфакс, 1995. 296 с.
14. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
15. Труфанов Д.О. Рациональность как социальный факт // European Social Science Journal. 2012. № 3. С. 293–300.
16. Труфанов Д.О. К вопросу об общей социологической теории рациональности // European Social Science Journal. 2012. № 1. С. 253–260.
17. Труфанов Д.О. Универсумная социологическая теория рациональности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 87–91.
18. Чайковский Ю.В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь. 1992. № 1. С. 62–108.
19. Черная А.Н. Взаимосвязь рационального и иррационального в концепции философии истории А. Тойнби // Наука. Релігія. Суспільство. 2010. № 2. С. 134–141.
20. Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. № 2. 1995. С. 43–57.
21. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
22. Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. пер. Г.С. Батыгин. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение». 2003. С. 163–190.
23. Lindenberg S. Social rationality versus rational egoism // Turner J. (ed.) Handbook of Sociological Theory. New York: Kluwer Academic/Plenum. 2001. P. 635–668.
24. Nemirovskiy V.G. The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology / The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. Vol. 2. №. 1. 2007. P. 65–77.

25. *Trufanov D.O.* Social Rationality: the Problem of Definitions // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. Т. 5. № 7. P. 1036–1045.
26. *Пироженко В.* Наукова раціональність: ціннісна норма і методологічний регулятив // Вісник Національної Академії наук України. 2002. № 8. С. 45–51.
27. *Огурцов А.П.* Рефлексия // Новейшая философская энциклопедия. Институт философии РАН. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2579.html>

Bibliography

1. *Bakshantsovskij V.I., Sogomonov Ju.V.* Sociologija morali: normativno-cennostnye sistemy // Sociologicheskie issledovanija. 2003. № 5. P. 8–20.
2. *Belozеров A.B.* Kommunikativnaja racional'nost' v kontekste postneklassicheskoy nauki // Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i social'nye nauki. 2011. № 2. P. 62–65.
3. *Davydov Ju.N.* M. Veber i problema interpretacii racional'nosti // Voprosy sociologii. Vyp. 6. 1996. P. 71–77.
4. *Kartashev D.E.* Racional'nost' kak social'nyj fenomen: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Special'nost' 09.00.11. Social'naja filosofija. Saransk, 2009. 20 p.
5. *Kasavin I.T., Sokuler Z.A.* Racional'nost' v poznanii i praktike. Kriticheskij ocherk. M.: Nauka, 1989. 192 p.
6. *Komarov V.D.* Tehnologicheskaja racional'nost' i osobennosti tehnologicheskikh nauk // Nauchnaja racional'nost': vozmozhnosti dialoga. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obwestvo, 2009. P. 49–50.
7. *Kulygin V.P.* Teorija racional'nogo vybora – vzniknovenie i sovremennoe sostojanie // Sociologicheskie issledovanija. 2004. № 1. P. 27–36.
8. *Marks K.* Kapital // K. Marks, F. Jengel's. Soch. T. 23, 1960.
9. *Maslova S.V.* Racional'nost' postmoderna kak faktor formirovanija miforazrushitel'noj i mifosozidatel'noj tendencij v sovremennoj kul'ture // Vestnik Tomsk. gos. un-ta. 2007. № 301. P. 39–42.
10. *Moiseev N.N.* Sud'ba civilizacii. Put' razuma. M.: Izd-vo MNJePU, 1998. 228 p.
11. *Nemirovskij V.G.* Universumnaja paradigma sovremennoj rossijskoj sociologii kak perspektiva razvitija // Sociologija. Nauch.-teoret. zhurn. Minsk, 2004. № 1. P. 39–49.
12. *Pokrovskij N.E.* Rossijskoe obwestvo v kontekste amerikanizacii (Principial'naja shema) // Sociologicheskie issledovanija. 2000. № 6. P. 3–10.
13. *Prigozhin A.I.* Sovremennaja sociologija organizacij. M.: Interfaks, 1995. 296 p.
14. *Towenko Zh.T.* Paradoksal'nyj chelovek: monografija. M.: JuNITI-DANA, 2008. 543 p.
15. *Trufanov D.O.* Racional'nost' kak social'nyj fakt // European Social Science Journal. 2012. № 3. P. 293–300.
16. *Trufanov D.O.* K voprosu ob obvej sociologicheskoy teorii racional'nosti // European Social Science Journal. 2012. № 1. P. 253–260.
17. *Trufanov D.O.* Universumnaja sociologicheskaja teorija racional'nosti // Teorija i praktika obwestvennogo razvitija. 2012. № 4. P. 87–91.
18. *Chajkovskij Ju.V.* Poznavatel'nye modeli, pljuralizm i vyzhivanie // Put'. 1992. № 1. P. 62–108.
19. *Chernaja A.N.* Vzaimosvjaz' racional'nogo i irracional'nogo v koncepcii filosofii istorii A. Tojnbi // Nauka. Religija. Suspil'stvo. 2010. № 2. P. 134–141.
20. *Shveri R.* Teorija racional'nogo vybora: analiticheskij obzor // Sociologicheskij zhurnal. № 2. 1995. P. 43–57.
21. *Shvyrev V.S.* Racional'nost' kak cennost' kul'tury. Tradicija i sovremennost'. M.: Progress-Tradicija, 2003. 176 p.
22. *Shjutc A.* Problema racional'nosti v sovremenom mire // Smyslovaja struktura povsednenogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sociologii / Sost. A.Ja. Alhasov; Per. s angl. A.Ja. Alhasova, N.Ja. Mazlumjanovoj; Nauchn. red. per. G.S. Batygin. M.: In-t fonda «Obwestvennoe mnenie». 2003. P. 163–190.

23. *Lindenberg S.* Social rationality versus rational egoism // Turner J. (ed.) Handbook of Sociological Theory. New York: Kluwer Academic/Plenum. 2001. P. 635–668.
24. *Nemirovskiy V.G.* The Interdisciplinary Perspectives of the Contemporary Post-Non-Classical Sociology / The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. Vol. 2. № 1. 2007. P. 65–77.
25. *Trufanov D.O.* Social Rationality: the Problem of Definitions // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. T. 5. № 7. P. 1036–1045.
26. *Pirozhenko V.* Naukova racional'nist': cinnisna norma i metodologichnij reguljativ // Visnik Nacional'noï Akademii nauk Ukraïni. 2002. № 8. P. 45–51.
27. *Ogurcov A.P.* Refleksija // Novejshaja filosofskaja jenciklopedija. Institut filosofii RAN. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2579.html>